

Я. А. Васильев

ДОРЕФОРМЕННЫЕ СЕЛЬСКИЕ СОСЛОВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МЕЛКОГО КРЕДИТА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крестьянский заемный банк А. А. Аракчеева в селе Грузино

До отмены крепостного права в России не существовало действенной системы кредита, что характерно для феодальной экономики. Количество банковских учреждений было весьма ограниченным и насчитывало всего несколько десятков, прежде всего казенных: Государственный заемный банк (с 1786 г.), Государственный вспомогательный для дворянства банк (с 1797 г.), Государственный коммерческий банк (с 1817 г.) и некоторые другие¹. Существовало около двух десятков муниципальных городских общественных банков с суммарным капиталом не более 500 тыс. руб. Два из них обладали 400 тыс. руб., т. е. большая часть существовала только на бумаге².

Действовало несколько негосударственных (сословных) банков с ограниченной сферой операций и имевших местное значение: Ссудный банк для армян в Астрахани (с 1779 г.), Екатеринославский банк (с 1786 г.), Дворянские банки в Лифляндии и Эстляндии и крестьянские банки на островах Эзель и Мони в Балтийском море (с 1802 г. и 1814 г.)³. Предшественником двух последних был так называемый «мирской банк», учрежденный на средства, вырученные от продажи хлебных излишков местных магазинов, ссужавших зерно крестьянам. Эзельский банк ссужал государственных крестьян не только деньгами, но и зерном. Подобные учреждения существовали в этот период в Швеции⁴. Позднее, в 1820 г. схожий банк был образован в с. Грузино

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1 собр. Т. XIV. № 10235; Т. XV. № 10836, 11550; Т. XVIII. № 13219; Т. XXII. № 16407; Т. XXIV. № 18274; Т. XXXIV. № 26837.

² Боровой С. Я. Кредит и банки России (Середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958.

³ ПСЗ. 1 собр. Т. XXX. № 14837; Т. XXXII. № 16439; Т. XXVII. № 20462, 20463, 20464.

⁴ ПСЗ. 1 собр. Т. XXVII; № 20462–20464; Т. XXXVIII. № 29275; Судейкин В. Т. Наши общественные городские банки, их значение. СПб., 1884. С. 17.

Новгородской губернии графом А. А. Аракчеевым. Операции этого крестьянского банка, в целом, были схожи с деятельностью банка на о. Эзель⁵.

Создание таких банков (на деле это были учреждения мелкого кредита) для крестьян было не только попыткой отдельных помещиков оказать им определенную финансовую помощь для ведения и развития хозяйства, но и являлось составной частью более широких экспериментов, имевших целью поднять доходность своих имений. Если просвещенные помещики пробовали внедрять элементы хозяйственной инициативы, то у Аракчеева это сочеталось с жестокой дисциплиной и мелочной регламентацией всех сторон жизни и деятельности крестьян (в том числе и хозяйственной).

Будучи сами по себе любопытными опытами по модернизации крепостной экономики, все же, в ее рамках они были обречены на общую неудачу при относительно небольшом и временном подъеме. С другой стороны, они демонстрируют остроту положения, сложившегося в крепостной экономике конца XVIII – начала XIX в. и необходимость кардинальных изменений.

Создание крестьянских банков стало элементом программы частичных преобразований и явилось результатом длительного (с 1801 г.) обсуждения самой идеи их создания, целей и задач деятельности, проектов, составленных адмиралом Н. С. Мордвиновым и А. А. Аракчеевым. Вопрос рассматривался и в Непременном совете и в Комитете министров, что подчеркивает не только интерес окружения Александра I к идее общероссийского Крестьянского заемного банка, но и важность предполагавшихся от его деятельности результатов⁶. В итоге, он так и не был создан, но Аракчеев в 1820 г. учреждает Заемный банк для крестьян в имении Грузино по собственноручно составленному Положению и даже вкладывает в его капитал собственных 10 тыс. руб. Операции этого крестьянского банка, в целом, как уже отмечалось, были схожи с деятельностью банка на о. Эзель⁷.

Целью банка Аракчеев в п. 1 Положения определил «...помощь скорую, верную и ни от чьего произвола не зависящую ... и чтобы после сего не имели они надобности прибегать ни к каким посторонним займам и помощам, часто ненадежным и всегда тяжелым для бедного...». Крестьяне могли занимать в банке деньги «...когда нужда встретится: на покупку скота рабочего, на свои строения, на все нужды не только по быту их хозяйскому, но и по торгам их и промыслам...» (п. 2). Кроме того, банк ежегодно должен был покупать от 200 до 300

⁵ Яковкина Н. И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века. Л.: ЛГУ, 1983. С. 49–54.

⁶ Там же. С. 49–52.

⁷ Там же.

кулей ржаной муки для продажи в долг беднякам (п. 2 и 11). Правда, за это крестьянам Грузинской вотчины было запрещено покупать муку в долг из лавок и у торговцев (п. 21). Крестьянам разрешалось вносить в банк деньги на вклады «...для сохранения верного и для прибыли необманчивой...» (п. 4) под 5 % годовых. На постройку дома можно было получить до 150 руб., покупку коровы – до 60 руб., лошади – до 100 руб. из расчета 5 % годовых. Малоимущие могли рассчитывать и на беспроцентную ссуду⁸.

Аракчеев очень гордился своим банком и не забывал отметить его работу перед гостями, посещавшими Грузино. Они оставили о его деятельности, как правило, положительные отзывы, правда, конечно, со слов хозяина и его крестьян, не имея возможности (да и особого желания) их проверять. Это же относится и к первым исследователям деятельности Аракчеева в Грузинской вотчине, поскольку его модель поместья демонстрировала, чего может достигнуть крепостное хозяйство при внимательном и деловом владельце, поддерживающем строгую дисциплину⁹. Впрочем, отмечалось, что излишняя строгость, мелочный контроль и придирки графа делали положение его крестьян весьма тяжелым.

Деятельность Грузинского мирского банка Аракчеев контролировал тщательно и постоянно, ежемесячно просматривал его отчеты, каждый год проводились ревизии¹⁰.

После смерти Аракчеева интерес к его системе управления вотчиной угас. Тем не менее, необходимость существования учреждений для финансовой поддержки крестьян, где они могли бы получить небольшую ссуду на хозяйственные цели, всегда понималась правительством. В связи с этим с 1840 г. в ходе реформы государственной деревни были образованы крестьянские вспомогательные и сберегательные кассы (волостные банки) государственных крестьян. С 1859 г. действовали сельские банки удельного ведомства (удельные банки), которые, впрочем, активной деятельности не вели (подробнее эти кредитные учреждения будут рассмотрены ниже). Однако учрежденные волевым решением и на общественные средства они очень быстро приходят в упадок. После отмены крепостного права несколько земских

⁸ Ячменихин К. М. Социально-экономический абрис Грузинской вотчины графа А. А. Аракчеева // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 2015. № 21. С. 69–70.

⁹ Брадке, фон Е. Ф. Автобиографические записки // Русский архив. 1875. № 1. С. 37; Отто Н. К. Черты из жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, завещанные Аракчеевым в Грузинской вотчине // Древняя и Новая Россия. 1875. № 4. С. 376–393.

¹⁰ Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника (далее – ОПИ НГОМЗ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Карточки каталожные на документы архива графа А. А. Аракчеева, хранившегося в Новгородском музее древностей.

деятелей и местных энтузиастов в 1870-х гг. основали на селе для крестьян с теми же целями ряд ссудосберегательных товариществ, но выбранный для этого образец (система Шульце-Делича) оказался не вполне применим к российским условиям. Отсутствие у крестьян свободных средств и специалистов мелкого кредита привели товарищества так же к упадку и замене на более функциональные кредитные товарищества.

В дальнейшем исследователи обращались к истории крестьянского банка в Грузии, но только как составного элемента системы хозяйствования, введенной Аракчеевым в своей вотчине, и объектом пристального внимания он не стал. Цели и задачи его деятельности, специфику работы и влияние на хозяйство крестьян рассмотрели Н. И. Яковкина (1983) и К. М. Ячменихин (2015).

Н. И. Яковкина высказывается о деятельности банка в целом негативно (как и о хозяйственном эксперименте Аракчеева вообще): «В результате Крестьянский банк в Грузии не только не способствовал укреплению и развитию крестьянского хозяйства, но, наоборот, подрывал его. Постоянные принудительные работы для погашения банковских ссуд и выплаты процентов по ним отрывали крестьян от собственного хозяйства»¹¹.

К. М. Ячменихин дает более оптимистическую оценку: «Следует отметить, что крестьяне вотчины достаточно активно пользовались услугами банка, и это в значительной степени стимулировало их хозяйственную активность»¹².

После смерти Аракчеева (1834) банк продолжал действовать и вместе с имением Грузино в 1845–1846 гг. был передан Министерству государственных имуществ. Среди перечисленных денежных сумм вотчины отмечался и «...находящийся в Грузинском мирском банке, по билету погашения долгов, капитал в 27 285 руб. 75 коп. серебром, определенный в пособие крестьянам на уплату государственных податей...»¹³. Однако суммы иного происхождения и размер его операций указаны не были.

Следующие сведения о Заемном банке с Грузино относятся к 1857 г. Из его отчета следует, что наличного основного капитала, принадлежавшего банку, состояло 14 403 руб. Однако на хранении находились еще капиталы:

¹¹ Яковкина Н. И. Указ соч. С. 49–52.

¹² Ячменихин К. М. Указ соч. С. 69–70.

¹³ ОПИ НГОМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 299. Дело о передаче имения А. А. Аракчеева «Грузино» в ведение Министерства государственных имуществ (1845–1846). [Предписание] о приеме Грузинского имения в ведомство Министерства государственных имуществ (17 июня 1845 г.). Л. 3 об.

1. Частных лиц «для хранения и приращения процентами» – 1721 руб. наличными деньгами;
2. Грузинского имения – 1124 руб.;
3. Ценных бумаг в билетах комиссии погашения долгов и Новгородского приказа общественного призрения на 27 428 руб. и 3571 руб.

Всего, таким образом, числилось 48 249 руб.¹⁴

Однако с течением времени, видимо после отмены крепостного права и ослабления контроля за работой банка со стороны властей, его положение изменилось – капитал был выдан вкладчикам, билеты перечислены в другие руки и учреждения. Основной капитал, положенный Аракчеевым в банк в 1820 г., увеличился с 10 тыс. руб. ассигнациями к 1857 г. до 14 403 тыс. руб. серебром. С этого времени часть капитала выдавалась крестьянам в ссуду под 5 % годовых, но затем постепенно возврат ссуды и уплата процентов стали происходить все более неисправно, а затем и вообще прекратились. Около 1872 г. банк свертывает операции «по этому предмету»¹⁵.

По некоторым данным в 1870-е гг. его капитал еще составлял 30 тыс. руб.¹⁶

Последние разысканные сведения о Грузинском заемном банке относятся к началу 1890-х гг. К 1893 г. его капитал состоял из:

1. Наличных – 359 руб.;
2. Государственных билетов на 24 200 руб.;
3. Числилось в долгу за крестьянами за купленный овес на посев полей весны 1893 г. – 657 руб.
4. За купленную озимую рожь – 524 руб.
5. Ссуды прежних лет, выданные крестьянам на обсеменение полей и другие нужды – 25 866 руб.

Таким образом, в собственности банка состояло 51 607 руб.: в обороте – 24 559 руб. и в ссудах – 27 048 руб. (эту сумму, видимо, нужно было числить в ненадежных или даже безнадежных выдачах, так как к 1 января 1891 г. от крестьян поступило только 276 руб.).

Кроме того, Грузинское волостное правление ежегодно в Государственном казначействе получало по упомянутому выше билету Комиссии погашения долгов (27 423 руб.) процентов на сумму 1645 руб., которые расходовались в уплату выкупных платежей за крестьян Грузинской вотчины А. А. Аракчеева, согласно его завещанию за 2571 чел.¹⁷

¹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 253. О заемном банке в с. Грузино Новгородской губернии. Л. 1–56.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ячменихин К. М. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 253. О заемном банке в с. Грузино... Л. 1–56.

В целом, из отчета банка за 1891 г. следует, что он действовал (как и большинство сохранившихся дореформенных заведений) как учреждение мелкого сельского кредита. Большая часть основного капитала давно была выдана в ссуды крестьянам, и руководству с трудом удавалось собирать обратно хотя бы проценты. Вклады и другие наличные средства были вложены в государственные процентные бумаги, дававшие Грузинскому банку определенный доход. Счетоводство за 300 руб. в год вел помощник волостного писаря. Финансовые возможности банка были ограничены «Положением...» о его деятельности, так как в нем не предусматривались внешние займы на усиление оборотов и прием вкладов от посторонних лиц (т. е. не жителей этой волости). Это же станет одной из причин раннего упадка ссудосберегательных товариществ в 1880-е гг., так как собственные средства крестьян были очень невелики. Кредитные товарищества, появившиеся позднее, не имели таких ограничений и распространились значительно более широко.

Затем следы Грузинского заемного банка окончательно теряются. Данных о нем нет ни в Памятных книжках Новгородской губернии, ни в других справочных или отчетных документах, например, в изредка собираемых Министерством финансов сведениях о дореформенных и сословных учреждениях мелкого кредита (1896–1898, 1902 гг.), которые отложились в фонде Особенной канцелярии по кредитной части¹⁸.

Тем не менее, опыт, накопленный Грузинским заемным крестьянским банком и другими сходными заведениями, показал необходимость создания учреждений мелкого сельского кредита и был использован в дальнейшем при организации волостных и удельных банков (1840 и 1859 гг.), а после отмены крепостного права – ссудосберегательных и кредитных товариществ.

Крестьянские вспомогательные и сберегательные кассы – волостные банки (образца 1840 г.)

Волостные банки государственных крестьян относятся к сословным учреждениям мелкого кредита, функционировавшим на селе еще до отмены крепостного права. Хотя они не получили широкого распространения в Новгородской губернии, однако, с большим или меньшим успехом продолжали свою деятельность на всем протяжении второй половины XIX – начала XX в. Данные кредитные учреждения заслуживают более внимательного изучения, являясь характерным примером взаимоотношений в государственной деревне как в период преобразо-

¹⁸ РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 666, 667, 677.

ваний Николая I (в частности, «киселевской» реформы), так и в последующее время.

Положение о крестьянских вспомогательных и сберегательных кассах, впоследствии получивших наименование волостных банков, было утверждено министром государственных имуществ П. Д. Киселевым 7 марта 1840 г. Эти кредитные учреждения создавались в ходе реформы государственной деревни (1837–1841 гг.), которая должна была улучшить положение крестьян. Многие ее положения были впоследствии использованы при отмене крепостного права. При формировании капиталов волостных банков предполагалось использование не только общественных сумм, но и личных сбережений крестьян данной волости, которые привлекались в волостные банки в виде вкладов на определенные сроки для «приращения процентами».

Всего по стране было образовано около 2,5 тыс. таких учреждений, что к 1909 г. составило 49 % от общего числа учреждений мелкого сословного кредита (т. е. без ссудосберегательных товариществ и касс образца 1904 года)¹⁹.

В Новгородской губернии в 1856 г. их насчитывалось 13 с капиталом в 14 тыс. руб. Для сравнения: в Псковской губ. – 4 волостных банка с капиталом в 519 тыс. 958 руб., в Воронежской губ. – 5 банков с капиталом в 11 тыс. 773 руб.²⁰

В 1882 г. по 8 уездам Новгородской губернии их насчитывалось уже 44 (вместе с кассами других видов)²¹. В дальнейшем их численность постепенно снижалась, составив в начале XX века около 12 волостных банков в Старорусском, Череповецком и Устюженском уездах. В этот же период в Тихвинском уезде было образовано несколько волостных банков по образцу 1885 г., более сходных с современными им сельскими банками, которые, поэтому, здесь не рассматриваются²².

Сведения о деятельности волостных банков отрывочны и, иногда, противоречивы. Во всяком случае, развитие операций в них значительно уступало созданным позднее (в 60-е гг. XIX в.) ссудосберегательным товариществам.

Уставы вспомогательных и сберегательных касс государственных крестьян (волостных банков), с одной стороны, отличались достаточно обстоятельной и мелочной регламентацией условий получения крестьянами ссуды, а с другой, – не имели никаких защитных механизмов для предохранения фиктивного поручительства и других непредвиденных

¹⁹ Современное положение мелкого кредита в России. СПб., 1909. С. 3.

²⁰ Соколовский П. А. Ссудосберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 13–14.

²¹ Там же. С. 16–18.

²² Памятная книжка Новгородской губернии за 1914 г. Новгород, 1915. С. 28.

осложнений. Кроме того, вся деятельность волостных банков была пронизана духом круговой поруки и взаимной ответственности членов того сельского общества, где он был учрежден.

Вспомогательные кассы учреждались «Для доставления государственным крестьянам способов к приобретению заимообразно сумм, потребных на удовлетворение разных нужд и на распространение сельской их промышленности» (ст. 1 Положения о вспомогательных и сберегательных кассах бывших государственных крестьян)²³.

Источниками для составления их капиталов служили:

1. Суммы, назначенные из хозяйственного капитала;
2. Суммы, принадлежащие обществам государственных крестьян;
3. Капиталы, вносимые крестьянами в сберегательные кассы.

Размер основного капитала касс определялся министром госимуществ «по обстоятельствам» (ст. 3–4).

Вспомогательные кассы состояли в заведовании палаты государственных имуществ, а непосредственно на местах управлялись волостными правлениями в лице местных головы и заседателя по хозяйственной части под надзором окружного начальника (Ст. 6). Дела вспомогательной и сберегательной кассы находились в производстве помощника волостного писаря, специально для этого назначаемого и получавшего содержание за счет кассы. Таким образом, участие крестьян в управлении делами данного банка, практически, отсутствовало, руководство находилось в руках официальных должностных лиц, никак не связанных по своей основной работе с кредитной деятельностью.

Ссуда производилась только крестьянам данной волости и только домохозяину или старшему члену семьи, а так же – целому сельскому обществу или селению (последним – с разрешения палаты госимуществ и только на общественные потребности, разработку неудобий и т. п.) – ст. 10–12.

Отдельный домохозяин мог получить в ссуду от 1 до 60 руб. серебром, а при коллективной ссуде – не более 5 руб. на каждого домохозяина. В 1908 г. размер единоличных ссуд был увеличен до 150 руб. и выше. Единоличные ссуды выдавались на срок от 6 мес. до 3 лет, коллективные – до 16 лет из 6 % годовых, а с 1906 г. по решению сельского схода – и до 12 % (ст. 16–19).

Прозящий о единоличной ссуде предоставлял за себя поручителей с таким расчетом, чтобы на каждого из них приходилось не более 5 руб. серебром от предполагаемой суммы ссуды. В число поручителей не могли входить: волостной голова, заседатель по хозяйственной части и писарь, заведовавшие делами кассы, заемщики данной кассы, а также крестьяне, уже состоящие поручителями по другим ссудам. Как сам

²³ Положение о крестьянских вспомогательных кассах. (Утверждено 7 марта 1840 г. Дополнено 30 декабря 1908 г.). СПб., 1908. С. 1–11.

проситель, так и его поручители должны были предоставить свидетельства сельского старшины «о добром поведении и благонадежности» (ст. 25–30). Члены волостного правления и волостной писарь не могли получать ссуду из данного учреждения без разрешения на то палаты госимуществ. Крестьянин, получивший ссуду, не мог испрашивать новую до погашения прежней (ст. 13–14).

При коллективной заявке на ссуду волостное правление, получив соответствующий приговор сельского общества, обязано было решить, действительно ли ссуда необходима и «полезна» для крестьян, в состоянии ли общество уплатить ссуду в срок, сможет ли вспомогательная касса произвести ссуду без «стеснения» крестьян других селений, которые тоже могли испытывать потребность в ней, причем выдача денег или отказ должны были быть произведены в день предъявления прошения о ссуде (ст. 38, 40).

Ссуда могла быть рассрочена на год (при определенных обстоятельствах), а в случае неисправности заемщика и его поручителей – взыскивалась с их имущества (ст. 46–50).

Таким образом, административное начало в данных кредитных учреждениях проявлялось очень ярко. Потребность или заинтересованность крестьян в образовании вспомогательной кассы в расчет практически не принималась (как и размер ее капитала).

С другой стороны, для увеличения собственных средств этих волостных банков, направляемых на выдачу ссуд, одновременно с ними были образованы и сберегательные кассы. Часть средств, которые были внесены туда крестьянами, передавалась непосредственно во вспомогательные кассы²⁴.

Действовали эти кассы, в большинстве случаев, именно при волостных банках. Однако изначальное их число установить невозможно, так как деятельность многих из них неотделима от этих банков, а многие из сберегательных касс государственных крестьян вскоре закрылись.

Сословная исключительность данных сберегательных касс была несколько снижена, что было показателем явной заинтересованности в привлечении возможно большего количества вкладов.

«Для доставления государственным крестьянам, водворившимся в казенных имениях, отставным и уволенным в бессрочный отпуск солдатам и всем, живущим в оных с законным дозволением разночинцам, купцам и мещанам верного способа к сохранению и приращению процентами денежных сумм, оставшихся у них без употребления, учреждаются крестьянские сберегательные кассы», при тех же волостных правлениях, где состояли крестьянские вспомогательные кассы и находились под тем же руководством волостного правления при

²⁴ Положение о крестьянских вспомогательных кассах... С. 1–11..

участии головы и заседателя по хозяйственной части. Делопроизводство поручалось писарю вспомогательных касс (ст. 1–2 Положения о крестьянских сберегательных кассах).

Данные сберегательные кассы принимали вклады от всех категорий лиц, указанных в ст. 1 «на всякую сумму», но не менее 1 руб. серебром, как на определенный срок, так и до востребования («бессрочные» вклады) из 4 % годовых, а с 1908 г., – и выше. Вклады могли быть выданы как наследникам вкладчика, так по его желанию и другим лицам (ст. 3, 4, 6, 9, 13, 20, 24).

При достижении вкладами общей суммы в 100 руб. серебром и при отсутствии планируемых платежей, средства сберкассы за исключением 50 руб. на «срочные надобности» перечислялись в волостной банк (крестьянскую вспомогательную кассу) или коммерческий банк (ст. 39).

Не менее трех раз в год сберегательные кассы проверялись окружным начальником или его помощником, а также чиновниками палаты госимуществ (ст. 50, 51).

Таким образом, сберегательные кассы образца 1840 г. являлись на деле придатком вспомогательных касс (волостных банков), и должны были поставлять им средства для развития ссудной операции среди государственных крестьян. Однако судьба этих сберкасс сложилась еще менее удачно, чем у волостных банков.

В 1856 г. по губернии их числилось всего две (с неизвестным количеством капитала), в то время как собственно волостных банков насчитывалось 13.²⁵ Можно предположить, что в Новгородской губернии данные по этим кредитным учреждениям в 1882 г. были объединены со сведениями о вспомогательных кассах: по 8 уездам их числилось 44, но какую часть они составляли из этого количества, определить не представляется возможным²⁶.

Следовательно, можно сделать предположение о совершенно незначительном распространении в Новгородской губернии этих сберкасс, и что деятельность их была, в общем, малоудачной. Такая ситуация была характерной для большинства этих кредитных учреждений: «...в настоящее время от многих сберегательных касс осталось только одно название, присоединяемое иногда к наименованию вспомогательных касс тех волостей, при которых существовали некогда и сберегательные кассы»²⁷.

Таким образом, можно считать, что к началу XX века в Новго-

²⁵ Положение о крестьянских вспомогательных кассах... С. 13–14.

²⁶ Соколовский П. А. Ссудосберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 16–18.

²⁷ Сведения о числе учреждений мелкого кредита сословного и местного характера по уездам, губерниям и районам на 1 янв. 1902 г. СПб., 1902. С. 2.

родской губернии действовали одни только вспомогательные кассы бывших государственных крестьян под наименованием волостных банков, а сберегательные кассы повсеместно прекратили свое существование.

Как уже отмечалось, сведения о волостных банках отрывочны и содержат определенную информацию о них только в начале XX в. До создания системы учреждений мелкого кредита, объединившей среди других и сословные сельские банки и кассы старого образца, судьба последних, видимо, не интересовала ни Министерство финансов, ни Государственный банк. Тем не менее, некоторые данные об их состоянии в начале 1900-х гг., все же, были опубликованы. С увеличением интереса к кооперативному кредиту в 1910-х гг. волостные банки вновь привлекли к себе внимание, и сведения о них снова появились в печати.

В Новгородской губернии волостные банки бывших государственных крестьян в 1902 г. числились в четырех уездах из 11: в Старорусском – 4, Череповецком – 5, Устюженском – 2, Белозерском – 1, общим числом – 12 (по сведениям 1897 г. – 13)²⁸. Данные о волостных банках Старорусского уезда объединялись с материалами о местных удельных банках, что вносит некоторую путаницу. Опубликованные данные позволяют, однако, составить определенную картину результатов деятельности этих учреждений за 1901 г. и 1913 г.

Таблица 1

Сведения о деятельности волостных банков Новгородской губернии в 1902 и 1913 гг.²⁹

год	число банков	сумма ссуд			основной капитал	вклады	число членов		наличность
		срочных	просроченных	всего			дворов	домохозяев	
1902	12	5306	24 096	29 402	6 874	5 925	7 193	936	4487
1913	н/с (нет сведений)			24 844	23 146	2 233	5 118	1070	н/с

Из этих данных следует, что деятельность волостных банков за прошедшие 10 лет, достаточно благоприятных для кредитной кооперации, существенным образом не изменилась. Хотя эти учреждения не исчезли окончательно, но сумма выданных ими ссуд (скорее всего, безнадежных для возвращения) практически не изменилась. При отно-

²⁸ РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 667. По выяснению количества учреждений мелкого кредита ведомства Министерства внутренних дел (1897–1903 гг.). Л. 84, 85.

²⁹ Сведения о состоянии средств вспомогательных и сберегательных касс бывших государственных крестьян на 1 января 1902 г. СПб., 1902. С. 2–3; Статистический сборник Новгородского губернского земства за 1913 г. Новгород, 1914; ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 113 об.–115.

сительном увеличении числа членов этих учреждений количество вкладов уменьшилось почти втрое. Таким образом, можно считать, что деятельность их была крайне незначительной для экономической жизни губернии, а доходность почти отсутствовала. Так, в 1913 г. волостными банками губернии (по 4 уездам) была получена прибыль: валовая – 484 руб., чистая – 133 руб., но все это только по одной вспомогательной кассе Белозерского уезда (Антушевская). Во всех остальных прибыли не отмечалось³⁰. Следовательно, подтверждается вывод о том, что эти учреждения в XX веке только числились на бумаге, но фактически не работали.

Причины неудачи этих сельских банков образца 1840 г. были выявлены и проанализированы еще в 1870-е гг., в период создания альтернативных учреждений мелкого кредита – ссудосберегательных товариществ. Вот как высказывался по этому поводу известный общественный деятель и пропагандист кредитных учреждений нового типа А. В. Яковлев:

«Волостные кассы были учреждением правительственным... ссуды выдавались тем лицам, которые почему-либо стояли близко к волостным начальствам или же покупались крестьянами ценой дорогого угощения, возвышавшего в значительной степени платимые проценты за ссуды. Ссуды, данные в одни руки, оставались невозвращенными часто весьма долгое время; отсрочка или просто давалась или же покупалась. Очень часто лица, захватившие, таким образом, деньги кассы, раздавали их уже на значительные проценты тем из крестьян, которым волостное начальство отказало в ссуде.

Таким образом, выдача ссуд была источником бесчисленных злоупотреблений и самые кассы вместо того, чтобы быть поддержкою возможного большего числа небогатых, но трудолюбивых крестьян, становились новой монополией небольшого кружка избранных и давали им новое средство для угнетения остальных. Правление действовало безо всякого контроля; волостные сходы не имели и не могли иметь никакого влияния на дела или надзора за ходом их, ибо встречали во главе ссудной кассы то волостное начальство, которому они обязаны были повиноваться. Лица, поставленные во главе их, не имели личного интереса в успехе дела и при том бесконтрольном положении, в котором они находились, они видели в нем лишь источник личного обогащения. Расширение дела приобретением посторонних капиталов путем займов было невозможно, ибо при описанном положении была невозможна круговая порука лиц, ручающихся за сохранность этих займов, а без этой гарантии не было, разумеется, надежды привлечь сторонние капиталы»³¹.

³⁰ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 114 об.-115.

³¹ Яковлев А. В. Сельские ссудо-сберегательные товарищества. СПб., 1872. С. 19–20.

А. В. Яковлев определял и несколько условий, выполнение которых могло бы изменить ход дел в волостных банках в сторону улучшения:

1. Добровольность и сознательность участия крестьян в оборотах волостных банков.

2. Независимость правления банка от местного волостного начальства, причем непосредственный контроль передавался в руки общего сельского схода.

3. Введение круговой поруки (что при отсутствии добровольности вступления в банк было либо невозможно, либо крайне обременительно для его добросовестных членов)³².

Однако подобные действия так и не были, в целом, предприняты, и волостные банки продолжали осуществлять операции согласно старым уставам. Причина отказа от пересмотра положения о ссудовспомогательных кассах бывших государственных крестьян лежит, главным образом, в политической сфере, а не экономической: «...волостные банки – суть учреждения, так оказать, вытекающие из самого духа общественного устройства наших крестьян... Таким образом, защитники волостных банков видят в них сохранение общинного духа...

Примеры существующих в России 2 или 3 тыс. волостных банков подтверждают эти слова. Волостные банки, основанные правительством или с помощью правительства, с освобождением крестьян, с уничтожением их обязательных отношений, большею частью уничтожились. Волостные же банки, которые остались, существуют только на бумаге. Капиталы, раз пожертвованные обществом в этот банк, розданы крестьянам и затем никто не считал себя обязанным возвращать их в банк обратно. Таким образом, банки эти существуют только на бумаге, не имея ни гроша денег и не имея ни возможности, ни побудительных причин ко взысканию их со своих членов»³³.

Не реформировало правительство эти банки и в 1908 г., уже после фактического разрушения общины, при которой эти учреждения еще как-то могли функционировать. Изменения коснулись только размера ссуд и величины вкладного и ссудного процента. Сложно судить, чем было вызвано такое половинчатое решение – нежеланием лишней раз вмешиваться в дела сельских обществ или надеждой на то, что с развитием кооперативного мелкого кредита эти банки будут преобразованы и начнут работать по-настоящему. Во всяком случае, данный институт не был отменен, но не был и реформирован.

³² Яковлев А. В. Сельские ссудо-сберегательные товарищества. С. 20–21.

³³ Там же. С. 24–26.

Сельские банки удельного ведомства – удельные банки (образца 1859 г.)

В 1859 г. правительство Александра II предприняло новую попытку устройства сельских кредитных учреждений банковского типа. Ранее в ходе «киселевской» реформы государственной деревни были созданы крестьянские вспомогательные и сберегательные кассы образца 1840 г. (волостные банки). Это предприятие целиком было проведено в русле предыдущего устройства волостных банков, различия между ними как по сословному признаку, так и по сфере разрешенных им операций были минимальны. Волостные банки обслуживали исключительно государственных крестьян тех селений, в которых были учреждены и имели крайне ограниченный круг операций: выдача ссуд и прием вкладов «на усиление» капиталов, составлявшихся из мирских средств. Волостные банки были созданы административным решением без всякого учета мнения крестьян и очень быстро пришли в упадок, особенно, после отмены крепостного права.

1 мая 1859 г. министр императорского двора В. Ф. Адлерберг утвердил положение о сельских банках по удельному ведомству, впоследствии получивших наименование удельных банков³⁴. «Для доставления крестьянам средства делать займы под умеренные проценты и сохранить верным и выгодным образом накопленные деньги» в удельных имениях учреждались сельские банки по особому распоряжению департамента и с разрешения министра (ст. 1–2 Положения о сельских банках по удельному ведомству)³⁵.

Первоначальный «заемный капитал» этих банков составлялся из сумм общих крестьянских капиталов по назначению департамента и министра для каждого приказа в индивидуальном порядке сообразно с местными потребностями.

Ссуды, разрешенные приказом к выдаче, назначались на срок от 1 до 3 лет в суммах от 3 до 200 руб. (а по особому распоряжению управляющего конторою и на 5 лет в сумме до 500 руб.) под 5 % годовых (ст. 5–8, 10).

Ссуды выдавались под обеспечение имуществом как самого заемщика, так и других удельных крестьян-поручителей – теплые и холодные избы, сараи и амбары (названные в Положении излишними строениями для крестьянского хозяйства), а также – под фабричные строения, лавки и земли, находившиеся в собственности крестьян. Раз-

³⁴ Положение о сельских банках по удельному ведомству. (Утверждено министром Императорского двора 1 мая 1859 г.). СПб., 1906.

³⁵ Там же.

мер ссуды не мог превышать 2/3 от оценочной стоимости залога (ст. 15, 16, 18).

Ссуды не могли быть выданы тем крестьянам, которые не вернули прежний заем, а также нижним чинам, уволенным в бессрочный отпуск. Отставные солдаты, водворившиеся в удельных имениях, с наделением их землей, могли пользоваться ссудами на общих основаниях (ст. 20, 21). Уплата ссуды могла быть рассрочена в случае несостоятельности должника, вызванной каким-либо стихийным бедствием или несчастным случаем по распоряжению приказа и управляющего (ст. 27). При неуплате ссуды под залог собственной земли, последняя по распоряжению удельной конторы немедленно продавалась, а в случае непокрытия выданной ссуды недостающая сумма взыскивалась с мирского общества, определившего цену земли, представленной в залог (ст. 28).

Проценты, поступавшие в банк от заемщиков, присоединялись к его капиталу и снова выдавались в ссуду (ст. 28). Заемный капитал ежемесячно свидетельствовался местным головою и приказными старшинами. Отчет об оборотах заемного капитала банка приказ ежемесячно предоставлял конторе, а та – департаменту (ст. 34).

Сельские банки по удельному ведомству являлись более высоко развитыми кредитными учреждениями, чем вспомогательные и сберегательные кассы государственных крестьян – волостные банки. Последние снабжались вкладами только через сберегательную кассу, а в случае, если она не была образована при вспомогательной кассе, то получение дополнительных средств со стороны в виде вкладов становилось невозможным. Это не только ограничивало возможности волостных банков, но и, зачастую, в корне подрывало их экономическую деятельность.

Удельные банки (образца 1859 г.) уже сочетали черты и вспомогательной и сберегательной кассы, т. е., – представляли собой кредитное учреждение банковского типа, хотя и действовавшее с определенными операционными ограничениями и на сословной основе.

Таким образом, в каждом удельном банке принимались от крестьян вклады в суммах не менее 1 рубля из 4 % в год, причем, они могли по желанию вкладчика либо присоединяться ко вкладу, либо выдаваться в конце каждого операционного года (ст. 35, 37, 43, 44). Испытывая, как и волостные банки, значительную потребность в притоке свободных сумм для расширения собственных операций, удельные банки принимали вклады не только от крестьян и отставных солдат, поселившихся в этих имениях, но и от солдат бессрочноотпускных, которые не могли пользоваться ссудами (ст. 36).

Аналогичная картина наблюдалась не только в сельских сословных кредитных заведениях, но, например, и в обществах взаимного кредита, которые обеспечивали ссудами только своих членов, вклады

же принимали и от всех посторонних лиц и от организаций. Удельные банки также могли передавать часть своих свободных наличных сумм, образовавшихся от вкладной операции в «одно из кредитных установлений в С.-Петербурге» (через контору и департамент), но только при условии, что количество вкладов будет превышать «потребность в займах» (ст. 52). Такая ситуация, впрочем, при постоянной нехватке денег в крестьянском хозяйстве практически не могла возникнуть.

Интересным нововведением в удельных банках оказались безналичные операции со сберегательными книжками («билеты на вклады»), которые могли служить обеспечением залога по подрядам, поставкам и оброку по удельному ведомству (ст. 41).

Таким образом, можно сделать вывод, что удельные банки стояли на несколько более высокой ступени развития, чем волостные банки государственных крестьян, однако, значительные ограничения сословного характера, обязательность участия в операциях и общая ответственность всех членов сельского общества, недобровольность учреждения, незаинтересованность крестьян в дальнейшем развитии операций объединяет эти два вида кредитных учреждений, а сходные условия хозяйствования в государственных и удельных имениях практически унифицировали эти банки. Отмена крепостного права предопределила практически полное отсутствие дальнейшей перспективы деятельности удельных банков.

Вот как отзывался о них земский начальник 6-го участка Новгородской губернии И. Ф. Кошко: «Остатки этих банков продолжают кое-где влачить свое существование, то есть, в сущности, по грошам собирают неуплаченные ссуды – для расчета вкладчиков, но они фактически перестали работать со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости и с уничтожением правительственного контроля»³⁶.

Сведения о деятельности сельских банков удельного ведомства так же отрывочны и немногочисленны, как и данные о волостных банках. К 1909 г. их число составило 161, или 3 % от общего количества всех учреждений мелкого сословного кредита в России. Для сравнения – волостных банков насчитывалось 2473.³⁷

В Новгородской губернии эти кредитные учреждения так же были немногочисленны и получили распространение только в трёх уездах: Новгородском, Старорусском и Кирилловском. В 1882 г. их насчитывалось 14.³⁸ В 1897 г. в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов поступили сведения о 23 сельских банках бывших

³⁶ Кошко И. Ф. Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обезземливанием нашего крестьянина. Новгород, 1899. С. 9–10.

³⁷ Современное положение мелкого кредита в России. СПб., 1909. С. 3.

³⁸ Соколовский П. А. Ссудо-сберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 16–18.

удельных крестьян, находившихся в Новгородской губ.: 15 – в Старорусском уезде, 7 – в Кирилловском, один – в Новгородском. Каких-либо других сведений об их капиталах и оборотах не поступало³⁹.

Следующие сведения о деятельности удельных банков относятся к 1902–1903 гг., периоду, когда готовился новый закон о мелком кредите, в связи с чем, вероятно, Министерство финансов вновь запросило данные об этих учреждениях. Однако поступивший материал во многом неточен, так как содержит объединенную информацию и о волостных и об удельных банках Старорусского уезда, иногда без детальной раскладки по отдельным банкам. Более точные сведения содержатся в сообщениях за 1900 г. и 1901 г.⁴⁰

В этот период насчитывалось 22 удельных банка. Однако многие из этих учреждений, практически, уже не работали. Так, во всех семи удельных банках Кирилловского уезда числились одни только просроченные ссуды и, в то же время, не имелось ни вкладов, ни какой-либо наличности. Не лучше обстояло дело и в 15-ти удельных банках Старорусского уезда, где наблюдался почти четырехкратный перевес просроченных ссуд – 111 тыс. руб. против 35 тыс. руб. Основной капитал их был в два раза меньше, чем сумма выданных ссуд – 76 тыс. руб. против почти 137 тыс. руб. Вклады же составляли ничтожную сумму – 1721 руб.⁴¹

Следовательно, даже если сделать предположение о том, что какая-то работа в этих банках к началу XX века и велась, то уровень ее был очень незначителен, а отношение руководства к операциям этих учреждений прекрасно иллюстрирует количество просроченных (и, вероятно, безнадежных) ссуд.

Тем не менее, в 1913 г. удельные банки предоставили новые сведения о своей деятельности. К этому времени данные поступили только от 20 учреждений такого типа, однако неясно, действовали ли они по прежним уставам или каким-либо образом изменили их.

Ниже приводятся некоторые сравнительные данные об их деятельности за десятилетие (см. табл. 2).

³⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 583. Оп. 7. Д. 667. По выяснению количества учреждений мелкого кредита ведомства МВД. (1897–1903 гг.). Л. 84, 85.

⁴⁰ Там же. Д. 666. По составлению сводного баланса учреждений мелкого кредита ведомства МВД. (1897–1903 гг.). Л. 105; Сводные балансы и сведения о состоянии средств учреждений мелкого кредита сословного и местного характера на 1 января 1902 г. СПб., 1903. С. 2–3.

⁴¹ Сводные балансы и сведения о состоянии средств мелкого кредита сословного и местного характера на 1 января 1902 г. СПб., 1903. С. 1–3.

Таблица 2

Сведения о деятельности удельных банков Новгородской губернии за 1901 и 1913 гг. (в руб.)⁴²

Год	сумма ссуд	основной капитал	сумма вкладов	прибыль		членов	
				валовая	чистая	дворов	домохо-зьев
1901 г.	136 914	4399	1721*	н/с	н/с	н/с	н/с
1913 г.	145 548	153 348	1416	2827	2361	26 522	6696

* – без 7 банков Кирилловского уезда (в 1903 г. – 62 461 руб.)⁴³

Из приведенных сведений следует, что и через 10 лет в операциях удельных банков не произошло значительных изменений – сумма вкладов ощутимо уменьшалась, а ссуды остались практически в том же объеме.

Таким образом, вывод о том, что большинство удельных банков прекратило активную деятельность еще в 1860–1870-е гг., в общем, подтверждается. Это, конечно, не исключает того, что некоторые из них могли достаточно успешно проводить свои операции (например, Нивский, Жгловский и Шотовский банки Старорусского уезда), но эти примеры, в общем, единичны и не определяют всей картины упадка и застоя в этих учреждениях сословного кредита.

⁴² Сводные балансы и сведения о состоянии средств мелкого кредита сословного и местного характера на 1 января 1902 г. СПб., 1903. С. 1–3; ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Статистический сборник Новгородского губернского земства за 1913 г. Л. 113 об.–115.

⁴³ Сводные балансы крестьянских общественных учреждений мелкого кредита на 1 января 1904 г. СПб., 1906. Табл. 2.